

Жил в Орле поэт опальный....

Мы так привыкли называть Орел третьей литературной столицей России, так заученно повторяем знакомый с детства перечень: Тургенев, Бунин, Лесков, Андреев, Фет, - что редко задумываемся о том, кто еще из известных литераторов жил в нашем городе. Особенно мало знаем о литературной жизни Орла в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Недавно случай приоткрыл всего одну страницу, одну из многих, прежде неизвестных.

Изучая биографии орловских журналистов первых десятилетий советской власти, я подготовил запрос в управление ФСБ по Орловской области. Хотелось больше узнать о тех, кто всего несколькими строками упомянут в пятитомнике «Реквием». Был среди них и Владимир Свешников, уроженец Ленинграда, 1902 г.р., сосланный в 1927 году на Север. Довольно быстрый ответ из архива ФСБ позволил узнать чуть больше об этом человеке. Оказалось, что в 1927 году он был арестован в Харькове, уже отбыл срок, а затем вторично арестован в начале 1933 года в Орле — и вновь ссылка, на этот раз в Башкирию. Свешников, Свешников... Захожу в Интернет и замираю от чувства редкостной находки. Да это же тот самый Свешников, что был на Соловках в одной камере с будущим академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым! Вскоре пришел ответ из УФСБ на еще один запрос — об обстоятельствах дела Свешникова в нем было рассказано подробнее.

Листаем воспоминания Д.С.Лихачева, главку о том, что произошло на пароходе: «Однажды я был привлечён каким-то шумом у лестницы, что вела из трюма на палубу. Я был неподалёку от этого места, быстро слез с нар и подошёл. И увидел следующее. Какой-то молодой человек, лет 25-26, человек маленький, худой, светловолосый и, насколько можно было видеть при слабом освещении, очень бледный, подался на несколько ступенек вперёд. А перед ним стоял огромный детина конвоир, с трудом сдерживающий огромного пса, который, поднявшись на задние лапы, ощерился на маленького человека. Но тот, весь дрожа от волнения, негромко, но с необычайной силой,

с огромным напором, с грозой в голосе бросил конвоиру: «Не подходи... Убью!», - нагнулся и с силой, которой никак нельзя было в нём ожидать, вырвал из ступеньки доску и, замахнувшись, приблизился к конвоиру. И так он был страшен, так грозен, что не только конвоир, но и его собака подались назад и скрылись на палубе.

Вместе с несколькими товарищами я подошёл к этому человеку. Он был страшно взволнован. Его лихорадило. Мы с трудом увели его назад, усадили. Оказалось, что ему надобен был глоток воздуха. Он задыхался и сказал мне, что больше не в состоянии терпеть и готов был пойти на всё и, собственно, даже хотел, чтобы конвоир его пристрелил, чтобы разделаться сразу со всеми этими муками, со всем этим плавучим адом, каким была наша баржа.

Это был Владимир Свешников-Кемецкий. Наши отношения с ним как-то очень быстро стали хорошими, дружескими, доверительными. У него обнаружился поэтический талант, по-видимому, сразу о себе заявивший и бесспорный... Он был принят в салоне Гиппиус и Мережковского, пользовался там большим успехом. Но вскоре почувствовал, что в салоне ему душно – душно нравственно, так же, как физически душно было на барже...

Стихи на Соловках писали из молодежи очень многие. Вообще в 1920-е годы редкие молодые интеллигентные люди не писали стихов. Такое было время. Одни писали тайно, никому не показывая, другие показывали, но не продвигали их в печать, третьи резво печатались в «Соловецких островах». К последним принадлежали из моих знакомых А. Панкратов, Ю. Казарновский, Д. Шипчинский, А. Пешковский, Лада Могилянська, но, безусловно, самым талантливым, изумительно талантливым и «настоящим» был Володя Свешников. В иных условиях ему принадлежало бы великое будущее. «Кемецкий» — это фамилия его матери и поэтический псевдоним.

Вид у него был всегда обиженного ребенка. В 1929 г. в конце или в начале 1930 г. Володю поселили в камеру вместе со мной. Его стихи очень ценились, и его всегда немножко (в меру своих возможностей) подкармливали те, кто получал посылки. Поражала его искренность и непосредственность: на его лице отражались все его чувства. Его приходилось часто как-то заслонять и защищать, так как он сразу реагировал на каждую несправедливость,

грубость. Было даже иногда что-то истерическое в его возмущенных криках. Свой гнев он направлял иногда даже против тех, кто ему помогал. Сокамерники ему все прощали за талантливость его поэзии... В нашей камере он написал и свою «Сагу об Эрике, сыне Эльмара». Он думал о смерти, а свой род по линии матери вел от скандинавских викингов. Стихи он сочинял, вечно бормоча себе под нос с напряженным выражением лица, вытягивая губы. Я очень хорошо запомнил его лицо, манеру держаться. Г. О. Гордон говорил, что он (Володя) — «типичный парижский гамен», бездомный обитатель Монмартра. На Соловках он был вечно голоден, ходил полным оборванцем.

О его досоловецком прошлом я помню только следующее. Его родители были белоэмигранты. Отец, Свешников, — по-видимому, белый офицер. Семья с Володей жила некоторое время в Берлине (откуда у него берлинские темы в ранних стихах, которые, кстати, не все он хотел печатать, но показывал в нашей камере). Потом семья, как и многие эмигранты, переехала в Париж. В Париже Володя с группой эмигрантской молодежи вступил в комсомол (самодетельный), и эта молодежь стала хлопотать о возвращении в Советский Союз. Родители были против. Он без родителей в 1926 г. с группой молодежи был допущен вернуться. В Харькове, где он жил перед Соловками, а может быть, и в Москве он что-то наговорил, чем-то откровенно был недоволен, и ему «дали» пять лет».

В первоначальном, еще «перестроечном» издании воспоминаний академика Д.С.Лихачева и в мемуарах других узников Соловков указывалось, что Кемецкий был освобожден в 1931 году, но о дальнейшей судьбе ничего не известно. Теперь, благодаря находке в архиве Орловского УФСБ, мы знаем, что постановлением «особого совещания» от 14 февраля 1932 года Свешникову запретили проживание в 12 наиболее крупных городах СССР в течение трех лет. Поначалу он поселился в Воронеже, но в тот голодный год существование бывшего зека в растущем, индустриальном городе, в столице ЦЧО было невыносимым. Уехал в Орел. Здесь познакомился со ссыльными троцкистами. Они ему помогли: Роман Шония и Исидор Багатурия заплатили 10 рублей за квартиру, к тому же Шония, Давыд Мильнер и Михаил Мирон

дали по 5 рублей — просто так, без возврата. В Орле Владимир Свешников жил на 5-й Курской улице (ныне улица Фомина) в доме № 4 (теперь это территория недавно построенного гостиничного комплекса).

Арестовали Свешникова в Орле 6 февраля 1933 года. О себе он рассказывал следователю 29 марта 1933 года: «В 1920 году я совместно с белыми эмигрировал на пароходе «Габсбург» из Одессы, где проживал совместно со своими родителями в течение 1919 - 1920 годов, в Константинополь. Отец мой — журналист, мать — в прошлом артистка Большого театра. Родители умерли от тифа в Одессе. В Константинополе я прожил год, работая, научился в совершенстве французскому языку, получил визу от французского консульства. В 1921 году уехал в Париж, где прожил до 1924 года, затем вступил во французский комсомол и весной 1924 года уехал в Германию с целью восстановления советского гражданства. Будучи в Германии, в Берлине работал в редакции газеты «Накануне». В связи с нелегальным проживанием через шесть месяцев был арестован и выслан во Францию, а затем в СССР».

По возвращении в Советский Союз Свешников жил в Москве, Рыбинске, Харькове, Тифлисе. В 1927 году по дороге из Тифлиса в Ленинград был арестован, при обыске у него нашли листовку «троцкистского толка», в концлагерь он попал как организатор «Союза защитников демократии ВЛКСМ Грузии им. Троцкого».

Читая эти строки, поражаешься биографии поэта. Ребенок из светской семьи, подростком превращается фактически в бомжа (вспомните сцены из кинофильма «Бег» о жизни русских эмигрантов в Константинополе!). Какая энергия, какая вера в себя! Взять ту же берлинскую газету «Накануне» - ведь ее редактировал живой классик А.Н. Толстой, здесь печатались М. Булгаков (фактически Толстой «открыл» в этой газете Булгакова как писателя), О. Мандельштам, К. Федин. Не случайно Свешников после участия в газете «Накануне» стал гордо называть себя журналистом! А гимназическая идея организовать комсомол в Европе? А стремление вернуться на Родину? И как Родина встречала своего сына?

Голодные годы, карточки на хлеб (да и те в 1933 году выдавали только

рабочим), полунищенское существование, репрессии. В обвинительном заключении группе орловских троцкистов, в число которых был включен и Владимир Свешников (брал ведь по 5-10 рублей от ненадежных «друзей!»), 31 марта 1933 года отмечалось: «На протяжении целого ряда времени имели между собой связь, поддерживая таковую частым посещением друг друга, в разговорах были настроены равно против проводимых мероприятий Советской власти. Зарегистрированы случаи антисоветской агитации на производстве среди рабочих обувной фабрики им. Коминтерна, изготовление документа антипартийного содержания, резко критикующего мероприятия Соввласти и какие должны быть практические задачи в дальнейшем троцкистской организации».

Как уже говорилось, Свешникова сослали из Орла в Башкирию. Он вынес и это испытание. После освобождения в 1936 году добрался до Керчи, работал здесь корректором городской газеты «Керченский рабочий». 22 августа того года его арестовали, обвинили в «контрреволюционной троцкистской агитации», дали пять лет лагерей. А уже в лагере ещё один «суд», приговор – расстрел. 29 января 1938 года — в этот день Владимир Сергеевич был расстрелян в Ухтпечлаге (Архангельская область). Место захоронения – Новая Ухтарка.

Поэт погиб в 37 лет... Как Пушкин, как Маяковский. Страшный рубеж! Жизнь яркая, короткая и, как мне кажется, оставившая глубокий след в судьбе будущего академика Д.С.Лихачева. Вчитайтесь в строки Дмитрия Сергеевича: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор». И еще слова Д.С.: «Литература — это совесть общества, его душа. Честь и достоинство писателя состоят в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Собственно для писателя даже вопрос не стоит: говорить правду или не говорить? Для него это значит: писать или не писать».

В мае 1989 года прокуратура Орловской области реабилитировала В.С.Свешникова.

Из стихотворений Владимира Кемецкого (Свешникова)

Заброшен я в тринадцатую роту,
Где стены прошлым отягощены,
Где звук псалмов сменила брань шпаны,
Махорка – ладан, сумрак – позолоту.
Как древле жрец, которому видны
В мечтаньях небожителей высоты,
Пел гимн и смолы сжигал без счету
Во мгле святилищ, полных тишины –
Так я, вам благодарный заключенный,
Под сводами собора заточенный,
Во храме обветшалом и глухом,
Спешу гиперборейской Афродиты
Восславить лик, увы, от взора скрытый –
Махорки воскуреньем и стихом.

Максиму Горькому

сонет

Кто доверялся песне и мечте,
Кто не страшился странствия земного,
Кто падал от усталости и снова
Бродяжничал. Кто в очи нищете
Умел глядеть с улыбкой, — знают те,
Какую радость возвести готово
Подчас простое, человеческое слово,
Иль возглас чайки в бледной высоте...
И ты напрасно вкрадчиво и тихо
Нашепчиваешь, горестное лихо.

Прочь, одноглазое, доколе нить
Годов моих прядется, укоризне
Бесплодной не продам я жизни,
Не разучусь смеяться и любить.

(Эти стихи Володя написал при мне в двухоконной келье в 7 роте сразу по входе налево. Приближалась зима, полярная ночь. - Примечание Д.С.Лихачева).

Над снегом воздух тих и мглист
Вечерний. Солнце напоследки
Похоже на потухший лист,
Едва держащийся на ветке.

Своих лишенная красот,
Земля узнала — теплый ветер
Сей лист поблекший оборвет
И звезды горькие засветит...

Прислушайся, от стужи пьян,
Под окнами уже рокочет
Величественный океан
Последней ледовитой ночи.

Но, Муза, не печалься ты,
И не страшись угрозы рока.
— Прекрасны белые цветы,
На стеклах выросшие окон...

Ты поселись в моем углу
С гремящим холодом в соседстве,
И наступающую мглу
Вином и песнями приветствуй.

Белая ночь

Двух бледных зорь немая встреча...
И крылья чаек... и залив...
Всю ночь не умирает вечер,
С часами утренними слит.

Плывут в изменчивом движеньи
Вдоль искривленных берегов
Расплывчатые отраженья
Зеленоватых облаков.

И так утомителен над нами
Двойной зари двуличный свет
Обманчивое упованье,
Забытой страсти мертвый след.

Перед навигацией

В иных краях безумствует земля,
И руки девушек полны цветами,
И солнце льется щедрыми струями
На зеленеющие тополя...

Еще бесплодный снег мертвит поля,
Расстаться море не спешит со льдами,
И ветер ходит резкими шагами
Вдоль ржавых стен угрюмого кремля.

Непродолжительной, но бессонной
Бледнозеленой ночью сколько раз

Готов был слух, молчаньем утомленный
Гудок желанный услышать, для нас
О воле приносящий весть, быть может...
Но все молчит. Лишь чайка мглу тревожит.

Песня о возвращении

Разбиваются в море льды,
Вдоль тропы прорастает трава,
Острый запах соленой воды
Обволакивает острова.

Разбиваются льдины, звеня,
Хриплый ветер кричит, смеясь...
Ты едва ли узнаешь меня
В нашей встречи вечерний час

Снег блестит на моих висках,
На лице — морщины легли,
Ибо тяжело томит тоска
На холодном краю земли...

Слишком долго к тебе одной
Белой вьюгой рвется душа,
Когда сполох мерцал надо мной,
Как прозрачный твой, синий шарф.

Слишком много ночей я вникал
В зимних звезд летящую мглу —
Ожерелья твои вспоминал,
Ниспадающие на грудь...

Я приду — и внесу в твой дом
Запах водорослей и смолы,
Я приду поведать о том,
Что узнал у замшелой скалы.

И прочту я тебе стихи
О стране, где не пахнут цветы,
Не поют по утрам петухи,
Не шуршат по весне листья.

Расскажу тебе про народ
Неприветливых этих мест —
Он отважно и гордо живет,
Бьет тюленей и рубит лес...

Потускнеют в камине огни,
Затуманится голова...
Все равно, ни к чему они,
Человечьи, пустые слова...

Замолчу, оборву рассказ,
 Попрошу для трубки огня...
Может быть, хоть на этот раз
Ты сумеешь услышать меня.

Публикацию подготовил Алексей Кондратенко